

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

Где у нас ключ недоразумений?

«Недоразумениями, сказали мы, обставлен каждый шаг путешественника по России. Недоразумения пестрым роем вьются около него и в то время когда он скачет в почтовой русской телеге, и когда плывет по русским рекам в выписанном из Англии пароходе, одним словом – всюду и всякий раз, как приходится ему, столичному жителю, соприкасаться с губернской, уездною и сельскою жизнью, переноситься из одних слоев атмосферы в другие, из высших в низшие и обратно, и свои теоретические выводы и умозаключения почитать о правду русской действительности...»

Иван Сергеевич Аксаков
Где у нас ключ
недоразумений?

Недоразумениями, сказали мы, обставлен каждый шаг путешественника по России. Недоразумения пестрым роем вьются около него и в то время когда он скачет в почтовой русской телеге, и когда плывет по русским рекам в выписанном из Англии пароходе, одним словом – всюду и всякий раз, как придется ему, столичному жителю, соприкоснуться с губернской, уездною и сельскою жизнью, переноситься из одних слоев атмосферы в другие, из высших в низшие и обратно, и свои теоретические выводы и умозаключения поверять о правду русской действительности. Ему нет надобности ни в остром анализе, ни в тонкой наблюдательности: без всяких с его стороны усилий, сам собой, беспрестанно натывается он на какое-нибудь яркое воплощенное недоразумение, и как, по-видимому, ни мелочны, ни ничтожны, ни разнообразны эти отдельные факты, в душе его невольно зародится мысль, что должна же быть какая-нибудь общая связь между этими недоразумениями и что все они несомненно примыкают к какому-нибудь одному, крупному недоразумению. Оставим в стороне явле-

ния высшего порядка и всякую отвлеченность; сядем, читатель, на пароход и поплывем по Волге. «Волга – это олицетворение могущества русского народа! Это река-кормилица, один вид которой наполняет душу чувством бодрой силы», – твердите вы... и садитесь на мель. И все это широкое раздолье Волги, которым так охотно тешится и гордится русская душа, не властно очистить дно от подводных камней и мелей, углубить фарватер и довести суда до моря – до синя моря Хвалынского: все могущество народное Волги слабо, бессильно пред формализмом официальной опеки – впрочем суетливой, благонамеренной и усердно, усердно пишущей. Доплываете вы до Самары и хвалитесь этим быстрым путем сообщения, доставившим вас из Москвы в двое с половиною суток, и посылаете по почте письмо, которое доходит в Москву не ранее как дён через десять.

Волга еще не возведена на степень официальной почтовой дороги. Вот, смотрите, бежит по пустынному побережью телеграфская проволока и соединяет города, между которыми, на расстоянии 40 верст, та же почта хо-

дит восемь дней, да и то раз в две недели... Последние результаты цивилизации встречаются рядом с ее первыми основаниями: железные дороги сталкиваются с первобытнейшими способами перевозки, с такими, которые ведут свое летосчисление чуть не с Ноя – с каким-нибудь чумацким обозом. В этой странной конкуренции выгода, конечно, не на стороне цивилизации, а чумаков и волов. Вы с гордостью мчитесь по чугунным рельсам, соединяющим Волгу с Доном, а в стороне, по зеленой степи, лениво влекутся и тащат волы – небольшие, кое-как сколоченные фуры, и рядом с ними медленно выступает загорелый чумацк в дегтяной рубашке, без шапки, несмотря на палящее солнце. Да и где соперничать с чумацким промыслом железной дороге! Она победоносно выступает там, где *time is money*, время деньги, – а что может быть дешевле времени для чумака? Да и куда торопиться? Что может быть дешевле и его личного труда: ноги даровые – не занимать, стать, волы кормятся кормом степей, рубашка, пропитанная дегтем, годится на год, да и шапки при волосах не нужно!.. Кроме того,

открылось, кажется, к немалому удивлению строителей, что и Волга, и Дон замерзают зимою, и что нет расчета, при гужевой перевозке товаров, два раза нагружать и разгружать их на таком малом пространстве... Плывете вы по Дону: пароход то и дело задевает за дно, но все же идет благополучно: вдруг стой! – чумаки переходят с своими волами вброд знаменитую реку: пароход выжидает и плывет дальше... Какие мирные берега, какие тихие, пустынные, зеленые степи, какое добродушное и, однако ж, воинственное население!.. Пароход, рельсы, телеграф, XIX век во всем своем всеоружии, со всеми аппаратами современной цивилизации, и рядом с этим – целое войско-племя: не мертвый памятник древних веков, а живое и еще живучее явление современной русской общественной жизни. Вы толкуете там у себя в столице о вреде привилегий какой-нибудь североамериканской компании, о вреде общинного начала в селах и возмущаетесь тем, что крестьянские десятины не могут, при этой системе, быть возделаны вполне доброкачественно...

А вот перед вами громадная община, в ис-

полинских размерах, занимающая пространство немного менее Пруссии: это войско Донское, без городов и гражданских чинов, не допускающее иногородних приобретать у себя земли; это казачество, давным-давно переставшее быть пограничным и, казалось бы, давно уже пережившее свое историческое призвание. Но нет, не трогайте его: в этом, по видимому, аномальном явлении еще жива органическая сила, еще не подсох его корень, – и вы смиренно сознаетесь, что еще о многом и много нечего вам и думать, что вы, несмотря на весь блестящий столичный прогресс, еще находитесь в такой поре развития, при которой казачество еще возможно и нужно, еще продолжает хранить в себе жизненную крепость... И невольно приходит вам в голову: как решило оно себе вопрос, заданный просвещенным начальством Министерства просвещения: классической или реальной гимназией приличнее обзавестись казаку!..

Когда спустишься ниже по Волге, посетишь Крым, проедешь Перекопскою степью, Херсонскою степью, Екатеринославскою сте-

пью, то, пораженный пустынностью этих пространств, невольно спрашиваешь себя: не в том ли недоразумение, что история рассчитывает себе не на одно, чуть ли не на два тысячелетия, а мы насилуем ее развернуться разом в короткий срок человеческой жизни, — что не 80 миллионов, а 180 миллионов нужны здесь для того, чтоб могла привиться и принести плод хоть десятая часть задуманных вами преобразований. Одолевают безлюдье, одолевают пространство, все поглощаются, замирает и тонет в этом пустынном безмерном просторе... Но вот пред вами и населенные, густо населенные земли, а на душе не легче, и недоумение растет с каждым часом. Звуки русской песни, несущейся над русской землей, прерываются словами иноземной команды... Какие-то две жизни, а не одна, две силы, а не одна цельная сила снуют перед вами, работают, трудятся, надрываются друг для друга и не могут встретиться лицом, а только порой неловко сталкиваются и, встретившись, не спознают друг друга и не разумеют, словно говорят различными языками!.. Вот вы, столичный житель, разгромили те-

лесные наказания, благодетельствуя мужику: с недоумением внимает вам облагодетельствованный вами и как милости у ног ваших добивается розги, вместо денежной пени. Вы возвещаете, путешествуя, о красоте новой судебной реформы, но косо поглядывая, выслушивает народ вашу проповедь: невдомек ему просвещенный юридический прием Европы, налагающий на правительство обязанность обвинять и карать во что бы то ни стало, а не добиваться правды и миловать. Вы подняли и порешили в вашей газете жгучие вопросы и ввели в страх и трепет столичную публику, — но слово ваше и не дошло до слуха народа, не ведающего ни о ваших вопросах, ни о внутренних или напущенных вами страхах. Про русскую прессу гремит Европа, но знать не знают про эту прессу 80 миллионов русских подданных, за исключением каких-нибудь двух-трех десятков тысяч читателей на пространстве целой части света. В столице, особенно в Петербурге, в котором живут такой ускоренною жизнью, кажется, не только нужна ежедневная гласность, но и ежедневных газет мало, подавай и утренние, и вечерние...

Но вся эта кипучая ежедневность сводится в провинции в некипучую еженедельность, а иногда и по одному разу в две недели приходит почта и сваливает разом кучу – быстро торопившихся явиться на свет газетных номеров! В Петербурге вы воевали за свободу торговли и на основании этого начала сломали откуп. Но посмотрите в провинции: эта самая свобода торговли является на практике протекционизмом по отношению к пьянству: народ в городах и селах спаивается с кругу, по усердию благородных либералов, оплачиваемому добрым процентом. Вы ли не гремели против полицейского грубого деспотизма, на который со всех сторон неслись жалобы? Успокойтесь: прежнего деспотизма полиции, да и никакой полиции не видно, – но вот вся Россия в осадном положении от поджогов, возвещаемых подметными письмами. Народ сам берется за исполнение полицейских обязанностей и вновь призывает – вновь кличет на свою голову прежний полицейский деспотизм, от которого так много терпел и от которого его сердобольно избавили... Чего же ему нужно наконец? Очевидно, не того,

что ему дано, и не того, что у него отнято? Но чего же?..

Просвещения, скажет с гордостью столичный житель. Народ действительно жаждет и ищет просвещения и ринулся было ему навстречу. Навстречу же народу ринулись и просветители из столиц. Но с недоумением видит народ, что это какое-то особенное просвещение, не то, которого он ищет; он замечает, что просвещение, предлагаемое ему, неразлучно с каким-то нравственным падением, перерезывает начисто органическую связь с народным бытом и подрывает в просвещаемом всякую силу органического творчества. Чего он хочет – он не умеет выразить, но опять-таки не того, что ему предлагают. Кругом страшное напряжение сил! Не удастся им ни спеться, ни спознаться, ни столкнуться. И так везде, всюду, от всех окраин стелятся недоразумения по России, до берегов Финского залива, до самого крупного недоразумения русской земли, воплощаемого ее столицей, официальным центром русской политической жизни... Уж не здесь ли, не в этом ли недоразумении ключ недоразумений и во-

прос вопросов?